

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (на материале немецкого языка)

КАСАТКИН М. Л.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Актуальность предлагаемой статьи обусловлена проблемой выявления роли и значения синтаксического эллипсиса как одной из смыслообразующих единиц текста. Призыв к описанию данной единицы языка с точки зрения ее ситуативной и контекстуальной самодостаточности [6] предопределяет привлечение в качестве доказательной интерпретационной базы экстралингвистические, в частности, культурологические факторы. В нашем случае в центре внимания оказываются ценностные ориентации, вербальным репрезентантом которых являются эллиптические высказывания. Ценностно ориентированный ракурс представления данного синтаксического концепта позволяет рассматривать эллипсис не только как структуру, отражающую языковую картину мира личности, но как форму фиксации ею определенных культурных констант, что обосновывает новизну и перспективы исследования.

В рамках когнитивной лингвистики важным считается положение, согласно которому наиболее существенная часть концептуальной информации разного уровня сложности фиксируется в грамматическом строе языка в виде грамматических концептов. Грамматические концепты, отражающиеся в грамматических формах, категориях, синтаксических структурах, возникают в результате обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира [4, p. 91; 2, с. 42].

В этой связи синтаксический эллипсис правомерно рассматривать как средство реализации грамматических, а точнее, синтаксических концептов. Под синтаксическими концептами принято понимать “различные модели или структурные схемы простого предложения, выражающие определенное концептуальное содержание – типовые пропозиции, т. е. некоторые типовые отношения между субъектом и предикатом” [4, p. 47]. Отличительной характеристикой синтаксических концептов, к числу которых принадлежит и эллипсис, является их многомерность, что проявляется в репрезентации знаний языкового и неязыкового характера, поскольку в них отражено:

- понятие синтаксической модели или структурной схемы предложения, синтаксических позиций и синтаксических функций конкретных слов, используемых в предложении и т. д.;
- определенное пропозициональное содержание;
- некоторое концептуальное содержание неязыкового свойства в виде суждения о мире [там же].

В результате, анализ эллипсиса, как формы реализации синтаксического концепта, в рамках текста предполагает учет как собственно языковых, так и культурно-исторических, социальных, психологических, прагматических и др. факторов, влияющих на процессы производства и восприятия текста, что обуславливает дискурсивную направленность такого анализа.

В предлагаемой статье подчеркивается роль ценностных ориентаций как фактора, релевантного для адекватной интерпретации синтаксического эллипсиса в тексте.

Ценности как наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения являются важным составляющим элементом языковой личности, которая, будучи предметом лингвистического изучения, представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок, поведенческих реакций [3, с. 166].

Обладая свойством многомерности, ценности обнаруживают себя на разных уровнях – человеческой цивилизации в целом, отдельно взятой культуры, различных этнических и социальных групп, а также непосредственно на уровне индивида. Каждого человека характеризует целая иерархия ценностей, которыми он руководствуется, и которые находятся в прямой взаимосвязи с иерархией его потребностей. Присваивая некие социальные значения и осознанно реализуя их в процессе деятельности, в том числе коммуникативной, индивид выступает как носитель ценностного сознания, формирование которого является сложной психолого-педагогической проблемой.

Другой спектр проблематики, обуславливающий целесообразность рассмотрения феномена ценностей в свете их преломления в языковой действительности, связан с областью межкультурной коммуникации. Рост международных контактов, диалог культур заставляет по-новому подходить к проблеме взаимопонимания между народами. Предпосылкой знания иностранного языка, а значит и понимания иной культуры, непременно является знание ее ценностной составляющей. Изучение иностранного языка лишь тогда будет по-настоящему продуктивным, когда обучающийся сможет в той или иной мере осознать ценностное видение мира глазами представителя другой культуры.

Для получения более адекватной картины представления ценностей в языке целесообразно учитывать данные наук, освещающих аксиологическую сторону жизнедеятельности общества – социологии, культурологии, антропологии и др. В частности, плодотворную основу для лингвистического анализа ценностей представляет известная концепция К. Клакхон (1951), в которой автор, соединяя социологическое и антропологическое мышление, разработала каркас для сравнения различных культур. Развивая данную концепцию и прилагая ее к сфере межкультурной коммуникации Г. Малецке рассматривает ценности как своего рода направляющие личности в процессе ее социологизации в рамках конкретной культуры, и, в этой связи, ведет речь о ценностных ориентациях (далее – ЦО) [5, р. 80–91]. По мнению автора, в основе мышления и деятельности типичного представителя той или иной культуры находятся разного рода ЦО. Они передаются из поколения в поколение в процессе социологизации личности, хотя иногда и оказываются подверженными некоторым изменениям. Описываемые структуры обладают рядом характеристик, в частности, определенный тип цивилизации и культуры диктует приоритет одних ценностей и обуславливает относительную

маловажность других. ЦО почти не осознаются носителем в рамках родной культуры, но часто начинают проявлять себя в процессе межкультурной коммуникации. В основе ЦО лежат некоторые базисные потребности, поэтому и количество их ограничено. Наконец ЦО, в отличие от норм, традиций и нравов, отражают более общий, абстрактный уровень представления той или иной культуры [5, р. 91].

С опорой на концепцию Клакхон, Г. Малецке формулирует пять основных универсальных проблем, различный подход к разрешению которых и будет определяющим для вычленения тех или иных ЦО в рамках определенной культуры. Данные проблемы находят следующие формулировки:

1. Как создан человек? В чем суть человеческой природы? (Human nature orientation).
2. Каковы взаимоотношения человека и природы? (Man-nature orientation).
3. Что означает категория времени в жизни человека? (Time orientation).
4. Каковы виды и формы активности? (Activity orientation).
5. Каковы виды и формы взаимоотношений между людьми? (Relational orientation) [там же].

Очевидно, что в рамках каждой конкретной культуры ответы на поставленные вопросы будут разными. Поскольку в данной статье основное внимание сориентировано преимущественно на описание ценностных направляющих немецкой культуры, составной частью которой является немецкий язык, то представляется небезынтересным а) конкретизировать вышеприведенную схему ЦО, раскрывая их и акцентируя основное внимание на том, как они будут представлены в немецкоязычной культуре как составной части культуры Запада, которая традиционно противопоставляется другим регионально детерминированным типам культур, например, Востока, Латинской Америки и др.; б) основой такой конкретизации должны послужить данные языка, служащего своего рода “транслятором” соответствующих культурных доминант.

Таким образом, задача интерпретатора заключается прежде всего в адекватной дешифровке ценностных установок немецкоязычной культуры, которые выступают в конкретных ситуациях общения и зафиксированы в значениях конкретных языковых единиц, в нашем случае – синтаксического эллипсиса. Являясь составной частью системы языка и функционируя в разных языковых контекстах, эллипсы, наряду и во взаимодействии с другими составляющими этой системы, обнаруживают и раскрывают свой потенциал, в том числе культурно-значимый. Тем самым они способствуют образованию общекультурного контекста, понятного носителю этого языка и потенциально понятного представителю иной культуры, а также формированию и усвоению ценностного сознания индивида.

Итак, ЦО в значительной степени регулируют поведение индивида в окружающем его социуме, которое в принципе соотносится с его ценностным отношением к пяти вышеназванным объектам действительности, отражающими пять основных онтологических сфер жизневосприятия человека: восприятие себя и отношение к себе, восприятие природы и отношение

к природе, восприятие времени и отношение к нему, восприятие деятельности и отношение к ней, восприятие других людей и отношение к другим людям.

При этом следует оговориться, что было бы не вполне корректно приводимые и интерпретируемые ниже примеры соотносить только с одной конкретной ЦО. В действительности проявление одной из ЦО, в том числе манифестируемой в языковом выражении, часто следует рассматривать сквозь призму взаимодействия всех названных ценностных направляющих, ибо только комплексное функционирование ЦО как на уровне жизнеустановки социума, так и на уровне языковой реализации сможет помочь стороннему наблюдателю смоделировать определенный профиль той или иной культуры.

Проиллюстрируем некоторые ЦО на ряде примеров, в которых синтаксический эллипсис в рамках представленных речевых контекстов берет на себя роль транслятора соответствующих ценностных доминант:

“Und wohin führt dieser Weg, und wo endet er?”

“*In der freien Individualität*”.

“Das klingt wie ein Märchen vom Drachen, der eine Maus auf seiner Zunge badet. Jahn, auch dein Leben wird die Partei bestimmen. Du kannst von ihr nicht wegrennen, denn, wo du hinkommst, ist auch sie. Sie ist überall. Oder willst du China verlassen?” [7, s. 156].

В представленном отрывке разговора молодого человека по имени Ян со своим дядей ответная реплика племянника (локатив в форме контекстуального эллипсиса “*In der freien Individualität*”) выражает стремление Ян стать свободным, самостоятельным, независимым от воли родителей и вообще кого бы то ни было человеком, способным принимать решения и нести за них ответственность. Желание само по себе похвальное, оно вступает в противоречие с традиционными установками китайского общества (действие происходит в Китае), согласно которым китаец призван идентифицировать себя вначале прежде всего как член общины: рода, государства, партии. Не случайной, в этой связи, представляется и аргументация дяди, связанная в данном контексте с партией – общественным институтом современного Китая, во многом определяющего те правила игры, которые следует соблюдать, если хочешь добиться общественного признания. Партия является оком, которое следит за тем, чтобы каждый представитель общества вначале бы отдал этому обществу (этой партии) свой долг как гражданин (член партии), поскольку оно (она) его опекает и защищает, и лишь затем ему может быть дозволено решать проблемы своей “индивидуальности”. Не случайной представляется и сама реакция на это слово со стороны дяди: оно определенно ассоциируется у него с действительностью за пределами Китая, отсюда и его несколько провокационный вопрос, не намеревается ли племянник покинуть страну.

Действительно, персоналистская традиция, традиция приоритета личности, признания ее уникальности и незаменимости характеризует прежде всего европейское общество. “Ощущение и осознание своего внутреннего индивидуального “Я” относится к числу важнейших концептуальных констант европейской культуры и европейской ментальности” [1, с. 114]. Мы не ошибемся, если предположим, что именно компонент “само” выступает

в качестве центрального при самоидентификации личности в современных условиях западной культуры: самосознание, самосовершенствование, самополагание, саморазвитие, вера в себя и свои силы определяют в конечном итоге меру свободы человека, понимаемую как его способность действовать самостоятельно и для себя, и проецируются на все сферы жизнедеятельности индивида – семью, профессию, гражданскую позицию и т. д.

“Wir müssen noch viel tun”, wiederholte Losskow. “*Nicht am Boot. An uns!* So wie wir heute sind, reicht es gerade aus, um von Mallorca nach Ibiza zu segeln, bei strahlendem Sonnenschein!” [8, s. 53]

Капитан предстоящего кругосветного путешествия, будучи опытным и бывалым моряком, прекрасно понимает, что главное во время долгого плавания – это человеческий фактор. Он исходит из того, что успех будущего предприятия зависит не только от улучшения технических характеристик судна, но, в первую очередь, от того, насколько успешно каждый участник в процессе дальнейшей подготовки к плаванию сможет “улучшить” себя: осознать свою важность в общем деле, научиться контролировать себя, свои амбиции и свой темперамент, приводить в соответствие интересы своего “Я” с интересами команды, подчиняться приказам капитана и т. д. Вместе с тем, в словах Лоскова звучит не только призыв изменить отношение к себе. Одновременно он выражает недовольство относительно неготовности команды, ее неудовлетворительного на текущий момент состояния. Тем самым капитан преследует цель задеть самолюбие компаньонов, создать для них еще один аспект самомотивации, что ему в принципе удастся – именно после этого разговора участники действительно смогли осознать важность процесса подготовки и изменить свое отношение к нему.

Установка на саморазвитие, самосовершенствование предвосхищает и деятельностное начало индивида в рамках западной культуры, выражающееся в его ценностно сориентированном отношении к труду. Истоки такого отношения – в сложившейся во времена Реформации этике протестантизма, которая не только признает достоинство труда, но и рассматривает его как основное призвание человека, его предназначение. Хозяйственная профессия оценивается как ответ на призыв Бога, готовность преобразовывать, желание совершенствовать свое мастерство, свой хозяйственный навык воспринимаются как моральный долг. При этом, согласно моральным принципам протестантизма, накопление и получение прибыли не является чем-то греховным, а предпринимательство отождествляется с приглашением к иному существованию, к поиску новых “Я”, которые человек стремится воплотить в своих замыслах:

“Sie sollten mehr Fische fangen – wenn es doch so viele gibt!”

“*Warum?*” fragte der Fischer. “*Was soll ich denn damit?*”

“*Verkaufen!*” sagte der Mann [9, s. 295].

Рыбак по обыкновению ловит себе ровно такое количество рыбы, которое требуется к ужину. Совет подъехавшего на машине и подошедшего к нему незнакомца вызывает в рыбаке искреннее удивление (контекстуальный синтаксический эллипсис) и логичный вопрос, что же ему делать с излишками пойманной рыбы. Не менее удивленным оказывается и незнакомец, ведь ответ

для него очевиден – рыбу необходимо продать (в данном случае контекстуальный эллипсис “*Verkaufen!*”, выражающий семантический падеж объектив, обнаруживает директивную направленность и обладает иллюкутивной силой совета). Если постоянно ловить и продавать рыбу, то однажды можно стать богатым человеком, а богатство – это не обязательно зло, имея деньги и разумно ими распоряжаясь, помогать и приносить пользу можно не только себе, но и другим. Изображаемые автором две возможные линии поведения – довольствоваться тем, что имеешь, или предпринимать что-либо, чтобы иметь больше – ставят перед читателем проблему нравственного выбора и заставляют задуматься, чью сторону выбрать.

Таким образом, выявление содержательной информации, стоящей за определенным грамматическим концептом, например, синтаксическим эллипсисом, оказывается связанным не только с языковой, но и с культурологической компетенцией интерпретатора, его знанием определенных исторических, социологических, идеологических и пр. реалий, частично отраженных в тексте, но в большей мере представленных в концептуальном пространстве реципиента. Ценностный план представления языковой личности может быть раскрыт через категорию ценностных ориентаций, которая отражает наиболее общие направляющие определенной культуры, влияющие на формирование определенного типа личности в рамках этой культуры. Данные ценностные направляющие фиксируются в языковом сознании и коммуникативном поведении индивида, язык же, и синтаксический эллипсис как составная его часть, является средством как фиксации, так и декодирования репрезентуемых языковой личностью ценностно значимых универсальных и доминантных смыслов, которые могут быть объективированы в процессе дискурсивного анализа текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Заметка о дескать и мол / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Николай Николаевич Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 123 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
5. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen / Gerhard Maletzke. – Opladen : Westdeutscher Verlag GmbH, 1996. – 226 s.
6. Ortner H-P. Die Ellipse : ein Problem der Sprachtheorie und der Grammatikschreibung (Reihe Germanistische Linguistik) / Hanspeter Ortner. – Tübingen : Walter de Gruyter, 1987. – 242 s.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

7. Kosalik H. G. Der Jade-Pavillion / Heinz G. Kosalik. – München : Blanvalet, 2000. – 377 s.

8. Kosalik H. G. Die Fahrt nach Feuerland / Heinz G. Kosalik. – München : Wilhelm Hezne Verlag, 1991. – 253 s.
9. Kauer W. Der Fischer. Erzählungen von deutschsprachigen Schriftstellern / Walther Kauer. – M. : Менеджер, 2002. – S. 294–297.

ГРАМАТИЧНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ ЗМІНЕНИХ СТАНІВ СВІДОМОСТІ АВТОРІВ В АНГЛІЙСЬКИХ, УКРАЇНСЬКИХ ТА РОСІЙСЬКИХ ВІРШОВАНИХ ТЕКСТАХ

КУШНЄРОВА О. А.

Київський національний лінгвістичний університет

Актуальність статті зумовлена тим, що на сучасному етапі розвитку мовознавства не до кінця розв'язаним залишається питання потенціалу змінених станів свідомості (далі – ЗСС) у процесі мовного моделювання тексту, зокрема віршованого. Так, дослідники (С. Виноградова [5], С. Засекін [10], Д. Співак [16],) зауважують, що у процесі когнітивно-творчої діяльності активного розуму та пізнання глибинних основ буття такі стани свідомості змінюються, набуваючи незвичайного характеру. Виділяючи ознаки творчого акту, В. Халізов [19], Т. Еліопулос та Т. Моффетт [21] підкреслюють його несвідомість, спонтанність, неконтрольованість волею й розумом, а також ЗСС, що ставить перед людиною проблему усвідомлення особистого внутрішнього досвіду та суб'єктних переживань. Такі стани свідомості у процесі віршотворення репрезентуються на пресупозиційному етапі та етапі лексико-граматичного наповнення. Перший визначається специфічною ритміко-інтонаційною тканиною майбутнього твору, що складається з ритмо-метричної системи та словесного інструментування, натомість етап лексико-граматичного наповнення характеризується накладанням слів на ритміко-інтонаційну тканину вірша, які використовуються у незвичних асоціаціях і отримують нових значень шляхом зміни їх значення, а також добору відповідних синтаксичних конструкцій. Останні є найбільш ефективними виражальними та експресивними засобами віршованої мови [17, с. 226].

Так, метою статті є встановлення потенціалу ЗСС крізь призму використаних поетами граматичних засобів англійських, українських та російських віршованих текстів.

Завдання:

- дати визначення поняття “виражальні засоби”;
- встановити ступінь прояву ЗСС на граматичному рівні англійських, українських та російських віршованих текстів ХХ ст.;
- схарактеризувати спільні та відмінні виражальні засоби, характерні для англійської, української та російської любовної лірики ХХ ст.;
- визначити стилетвірну роль використаних виражальних засобів.

Необхідно звернути увагу на те, що ЗСС на граматичному рівні знаходять своє відображення у використаних поетом виражальних засобах. Останні,